

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Х. ВЕГЕМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подьяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Вильямъ Шекспиръ. А. Сахарова. — II. Французскій плѣнникъ въ Россіи въ 1813 году. — III. Пристань на Волгѣ. (Стих.). Н. Панова. — IV. Разказы мѣсяца. Андерсена. — V. Русскіе художники. Т. Астракова.

ВИЛЛЯМЪ ШЕКСПИРЪ.

Въ 1564 году, 23 апрѣля, въ праздникъ св. Георгія, въ маленькомъ городкѣ Стратфордѣ на Эванѣ, въ живописномъ графствѣ Варвикширѣ, прозванномъ сердцемъ Англїи, родился величайшій изъ поэтовъ не только своей родины, но и всего человѣчества, поэтъ этотъ — Вильямъ Шекспиръ.

Отецъ маленькаго Вилля, Джонъ Шекспиръ, былъ зажиточный торговецъ кажется шерсти. Во время рожденія Вилля Джонъ пользовался такимъ уваженіемъ среди своихъ согражданъ, что когда маленькому Виллю было четыре года, его выбрали однимъ изъ старшинъ Стратфорда. Мать Вилля была знатной дворянской фамиліи, ее звали Мери Арденъ; она принесла своему мужу въ приданое небольшое имѣніице, вотъ все, что знаемъ о матери величайшаго изъ поэтовъ, можно предполагать, что если она или мужъ ея и не были людьми талантливыми, то вѣрно умными и энергичными.

Въ годъ рожденія Вилльяма въ Стратфордѣ была чума, но къ счастью она пощадила геніальнаго новорожденнаго. Онъ росъ въ небольшомъ двухъэтажномъ деревянномъ домѣ, съ большимъ деревяннымъ навѣсомъ, съ широкими окнами, съ мелкими стеклами, съ большой кухней въ нижнемъ этажѣ, гдѣ послѣ обѣда по вечерамъ собиралась вся семья. Изъ кухни маленькая дубовая лѣстница вела наверхъ.

Въ этомъ мрачномъ на видъ домѣ проводилъ свое дѣтство маленькій Вилль. Онъ часто убѣгалъ изъ дома на луга своего отца или въ имѣніе своей матери въ Асби и вѣроятно тамъ, среди стройныхъ деревьевъ и тѣнистыхъ просѣкъ Арденскаго лѣса, на усѣянныхъ бѣлыми маргаритками поляхъ, впечатлительный мальчикъ набрался тѣхъ свѣжихъ, поэтическихъ картинъ, которыя такъ ярко и образно отразились въ его превосходныхъ описаніяхъ природы.

Когда Виллѣ минуло одиннадцать лѣтъ, состояніе его семьи стало такъ уменьшаться, что въ 1578 Джонъ Шекспиръ не могъ уплатить налогъ въ пользу бѣдныхъ, и его освободили отъ этой платы. Старшій сынъ Джона, даровитый Вилльямъ, учился въ бесплатной грамматической школѣ Стратфорда у часовни св. Креста, на берегу мирнаго Эвана. Учителями въ этой школѣ были: Вальтеръ Рошъ, Томасъ Бонтъ и Томасъ Дженкинсъ; гдѣ и какъ Шекспиръ окончилъ свое образованіе, неизвѣстно, вѣроятно онъ окончилъ его очень рано. Восемнадцати лѣтъ онъ женился на дѣвушкѣ изъ Варвик-

пира Аннѣ Гатавей, дочери зажиточнаго землевладѣльца, которая была восемью годами старше его. Шекспиру не минуло еще и двадцати одного года, какъ у него было уже трое дѣтей: дочь Сусанна, и близнецы—сынъ и дочь, сынъ Гамнетъ или Гамлетъ и дочь Юдифъ.

По всей вѣроятности быстрое увеличеніе семьи и недостаточныя средства отца его заставили уѣхать поэта въ Лондонъ. Шекспиръ прибылъ въ столицу въ то время, когда она казалась провинціаламъ какимъ-то фантастическимъ эльдорадо. У Вилліама былъ въ Лондонѣ родственникъ и землякъ—извѣстный писатель и актеръ Томасъ Гринъ. Говорили, что отъѣздъ Шекспира ускорили слухи, будто онъ безъ позволенія охотился на земляхъ сэра Томаса Люси въ Чарлькотѣ. Вѣроятноже, онъ разсердилъ судью какой нибудь мальчишеской выходкой, и это всего болѣе ускорило его отъѣздъ изъ живописной Варвикширской родины. Едва ли онъ нуждался и въ поощреніи знаменитыми личностями, слава которыхъ гремѣла въ то время изъ конца въ конецъ страны, и которые впоследствии вмѣстѣ съ великимъ Виллемъ освѣщаютъ вѣкъ Елизаветы блестящимъ созвѣздіемъ государственныхъ людей и героевъ. Еще въ юности своей Шекспиръ заявилъ, что юноши-домосѣды всегда отличаются неотесаннымъ умомъ. Сознавая свою умственную силу, онъ не могъ не стремиться примѣнить ее на болѣе широкой аренѣ.

Англія временъ Шекспира, т. е. Англія въ царствованіе королевы Елизаветы, энергичной, умной, даровитой дочери Генриха VIII и несчастной Анны Болейнъ, прелестная головка которой упала на плахѣ, была въ порѣ самаго яркаго разцвѣта своихъ силъ. Приближенные любимцы королевы, министры и совѣтники ея были людьми хотя властолюбивыми, иногда жестокими даже, но всѣ безъ исключенія опытными и искусными государственными людьми. Сверхъ того Елизавета не давала имъ много воли. Во время ея царствованія въ Лондонъ стекались всѣ, кто искалъ славы, счастья, дѣятельности, кому было душно въ узкой сферѣ про-

винціального города, туда же явился попробовать счастья и Виль.

Шекспиръ отправился въ Лондонъ пѣшкомъ или вѣроятнѣе въ телѣгѣ; общественныя кареты были еще неизвѣстны. Что дѣлалъ въ первое время своего пріѣзда въ Лондонъ Виль? одни говорятъ, былъ мясникомъ, другіе, за плату держалъ у дверей театра лошадей подъ узцы, и что съ этого началось его первое знакомство со сценой, третьи же утверждаютъ, что онъ служилъ въ конторѣ адвоката, это кажется вѣроятнѣе:—въ произведеніяхъ Шекспира встрѣчается много терминовъ древняго англійскаго законодательства, и видно знаніе судопроизводства. Но чѣмъ бы Вильямъ Шекспиръ не занимался по пріѣздѣ въ Лондонъ, видно что онъ вскорѣ ознакомился со сценой и театральнымъ дѣломъ. Черезъ три года по пріѣздѣ въ Лондонъ онъ былъ уже въ числѣ собственниковъ театра Глоба. Собственники театровъ были большею частью сами актеры и деньги, которыя получались отъ зрителей, дѣлились между ними. Они должны были выбирать піесы для представленія, а если понадобится, то и писать піесы. Самостоятельныхъ піесъ почти не было, и чѣмъ больше піеса была связана съ исторіей, или съ какимъ нибудь стариннымъ разговоромъ, тѣмъ она была популярнѣе.

Театры во времена Шекспира были устроены иначе нежели теперь. Это было большое квадратное пространство, окруженное съ трехъ сторонъ высокими галлереями, а на четвертой сторонѣ была довольно высокая платформа или подмостки. Галлереи и платформа были покрыты соломенной крышей, но пространство между галлереями и подножьемъ платформы покрывало одно небо, и если шелъ дождь или градъ, то стояшіе или сидящіе на скамьяхъ передъ платформой промокали до костей. Платформа служила сценой; надъ нею была галлерея, въ которой сидѣли музыканты, а позади сцены была высокая деревянная стѣна, она служила то стѣной замка, то укрѣпленіемъ города, иногда окномъ дома. Разрисованныхъ декорацій не было, обыкно-

венно впереди сцены вывѣшивалась афиша съ названіемъ того мѣста, гдѣ должно было происходить дѣйствіе. Напримѣръ, если актеры изображали убійство Юлія Цезаря, то была вывѣшена афиша съ словомъ Римъ. Актеры были въ костюмахъ, но не заботились о ихъ исторической вѣрности. Недостатокъ декорацій и вѣрныхъ костюмовъ вредилъ впечатлѣнію. Тоже что теперь предоставляется декораторамъ, то дѣлали тогда писатели. Превосходныя описанія мѣстностей, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ Шекспира, были необходимы, чтобы познакомить зрителя съ духомъ піесы. Если бы Шекспиръ въ Гамлетѣ могъ постепенно освѣтить темный театръ, такъ чтобы лѣса и поля, изображенные на холстѣ, вырисовывались бы все ярче и ярче, то вѣроятно онъ не заставилъ бы Гораціо сказать въ Гамлетѣ:

„Но взгляни! утро, облеченное въ рыжевато бурый плащъ,
„Шагаетъ по той высокой, восточной росистой горѣ“.

Между тѣмъ благосостояніе Шекспира съ каждымъ днемъ возрастало, драмы его стали извѣстны, и публика встрѣчала ихъ сочувственно. Въ 1590 году одинъ изъ его современниковъ, извѣстный поэтъ Спенсеръ, отнесся о Шекспирѣ съ великой похвалою въ своемъ сочиненіи „Слезы музъ“.

Въ 1593 году появилась его первая поэма Венера и Адонисъ, написанная вѣроятно во время пріостановки театральныхъ представленій въ Лондонѣ, въ 1592 году. Эта поэма имѣла большой успѣхъ. Въ слѣдующемъ году вышли „Лукреція и Тарквиній“. Спенсеръ осыпалъ его похвалами, а лордъ Соутгамптонъ, другъ Эссекса, подарилъ ему тысячу фунтовъ.

Съ этой минуты счастье не оставляло Вилля. Королева Елизавета, которую онъ съумѣлъ такъ хорошо оцѣнить, поощряла его гений своимъ вниманіемъ и совѣтами; развитые, благородные вельможи Англіи были его друзьями, эта дружба была ему полезна тѣмъ, что послужила матеріаломъ для созданія такихъ личностей, какъ Бассаніо, Граціано, Бенедикъ, Орландо, Меркутіо.

Когда появилась его первая драма—навѣрно неизвѣстно.

Отзывъ о немъ Спенсера напечатанный въ 1591 году показываетъ, что Шекспиръ въ это время былъ уже извѣстенъ своими драмами, по собраннымъ свѣдѣніямъ видно, что онъ самъ исполнялъ только роль призрака въ „Гамлетъ“ наставленные имъ актеры въ этой трагедіи показываютъ его основательное знаніе сценическаго искусства.

Въ 1596 году большое горе посѣтило поэта, его единственный сынъ Гамнетъ умеръ одинадцати лѣтъ отъ роду.

Шекспиръ былъ около двадцатипяти лѣтъ связанъ съ сценой и какъ актеръ и какъ писатель. Предполагаютъ, что онъ въ это время написалъ всѣ пьесы, подписанныя его именемъ, вѣроятно онъ написалъ и не помѣчанные его именемъ, и даже помогалъ другимъ писать. Шекспиръ гениальный писатель, былъ опытнымъ, умнымъ дѣловымъ человѣкомъ, онъ быстро нажилъ себѣ состояніе и пользовался имъ разумно и осторожно. Онъ помогалъ своимъ родителямъ деньгами, выкупилъ изъ залога имѣніе своей матери въ зеленомъ Арденѣ, купилъ большой красивый домъ въ своемъ родномъ городѣ и перевезъ туда своихъ родителей.

Изъ частной жизни его извѣстно, что онъ отличался добродушіемъ, любезностью и былъ необыкновенно простъ и привлекателенъ въ обхожденіи.

Въ произведеніяхъ Шекспира васъ поразитъ замѣчательное разнообразіе его генія. Онъ никогда не повторяется, всѣ его дѣйствующія лица различны, и въ жизни нѣтъ такого типа, который бы онъ не воспроизвелъ: герой, патріотъ, святой, мученикъ, философъ, раскаявающійся убійца, холодный, интриганъ—всѣ являются передъ нами по его вызову, рядомъ съ этими великими твореніями мы встрѣчаемъ, тоже что и въ дѣйствительной жизни, гдѣ на одной улицѣ могутъ попасться и попадаютъ нерѣдко филантропъ и скряга, честный человѣкъ и обманщикъ, шутъ и клоунъ, веселый трактирщикъ, напыщенный школьный учитель, грубый солдатъ; всѣ эти второстепенныя лица очерчены съ такимъ же искусствомъ какъ и главныя.

Въ произведеніяхъ Вилляма Шекспира отразилась вся человѣческая жизнь съ ея радостями и горемъ, страданіями и наслажденіями, пороками и добродѣтелями, преступленіемъ и самоотверженіемъ, поэтому они вѣчно юны, вѣчно новы— вѣчно безсмертны, какъ самая жизнь.

Какъ волшебникъ, Вилль однимъ мановеніемъ своего чудотворнаго жезла заставляеть воскресать цѣлыя эпохи. Передъ нами встаетъ древній Римъ съ его суровымъ величіемъ; проходятъ какъ живыя фигуры Юлія Цезаря, самоотверженнаго и добродѣтельнаго Брута, угрюмаго Кассія, грубаго Каски, мужественной Порціи, жены Брута. Мы видимъ гордаго Коріолана, твердую, непоколебимую Волюмнію, нѣжную, любящую Виргинію, блестящаго привлекательнаго^{го} Антонія, очаровательную Клеопатру, эту жемчужину Нила.

Въ англійскихъ же историческихъ драмахъ Шекспира— вся историческая жизнь Англи. Всѣ эти короли Ричарды, Джоны, Генрихи, Эдуарды, герцоги и вельможи, королевы и герцогини, добродѣтельные и порочные, блестящіе или мрачные проходятъ передъ нами какъ живые; историческая обстановка такъ жива и вѣрна, такъ картинна и увлекательна, что чтеніе историческихъ драмъ Шекспира является однимъ изъ пособій при изученіи исторіи Англи.

Великій писатель заставляеть насъ по прихоти своего генія испытывать всѣ чувства. Читая Ромео и Джульету, мы страдаемъ и надѣмся вмѣстѣ съ прелестными, несчастными юными героями. Трагическая смерть кроткой Дездемоны, полюбившей мавра Отелло за его подвиги, погибающей отъ его руки, страданія и самоубійство благороднаго Отелло, обманутаго Яго, наполняютъ нашу душу глубокой скорбью. Сдерживая дыханіе, слѣдимъ за нравственной борьбой бѣднаго Гамлета принца Датскаго, оплакиваемъ помѣшательство кроткой Офеліи и гибель всѣхъ этихъ честныхъ, благородныхъ личностей.

Мы негодуемъ и проклинаемъ вмѣстѣ съ старикомъ Лиромъ неблагодарность и жестокость его старшихъ дочерей,

Гонерильи и Регины и вмѣстѣ съ нимъ преклоняемъ колѣна передъ самоотверженіемъ преданной Корделии, погибающей ранней преждевременной смертью.

Убіиство Дункана, угрызеніе совѣсти Макбета и его жены вызываютъ въ насъ нервную дрожь.

Наконецъ, въ своихъ комедіяхъ, въ этихъ прелестныхъ перлахъ его юношескаго творчества и въ своихъ, такъ называемыхъ, романтическихъ драмахъ, „Цимбелинъ, Зимней сказкѣ и Бурѣ“, которыя по мнѣнію критиковъ принадлежатъ позднѣйшему періоду его творчества, онъ часто вводитъ насъ въ область фантастическаго, чудеснаго.

Произведенія Шекспира громадно вліяли на англійскій языкъ и обогатили его изреченіями, вошедшими въ поговорку.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ изреченій: „Какъ маленькая свѣча бросаетъ свой лучъ, такъ доброе дѣло сіяетъ въ мірѣ“ (Венеціанскій купецъ). „Надъ царапинами шутитъ тотъ, кто никогда не былъ раненъ“ (Ромео и Джульета). Можно привести множество такихъ примѣровъ.

Такъ какъ Шекспиру приходилось быть не только драматургомъ, но и декораторомъ, то встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ превосходныя описанія природы. Геній Шекспира живо изображалъ: громъ, бушующее море, тихую лунную ночь, высокую скалу, у подножья которой пѣнятся волны, поле битвы, лѣсную просѣку, онъ нѣсколькими строками рисуетъ картину. Такъ напр., въ двухъ строкахъ:

„Свѣтлякъ показываетъ, что утро близко

И начинаетъ гасить свой недѣйствительный огонь“.

Передъ нами первый проблескъ зари, а въ другомъ отрывкѣ.

„Свѣчи ночи сгорѣли, и веселый день

Стоитъ на ципочкахъ на вершинахъ туманныхъ горъ“.

Мы встрѣчаемъ у Шекспира такое описаніе утра, равнаго которому нѣтъ ни у кого. Замѣчательно описаніе его мѣловой скалы близъ Дувра, въ королѣ Лирѣ:

—Какъ страшно

И ошеломительно смотрѣть такъ далеко внизъ,
Вороны и галки, прорѣзающія воздухъ на пути,
Кажутся едва величиной съ жуковъ,
Рыбаки, гуляющіе по берегу.
Кажутся подобными мышамъ...

...Журчащая пѣна,

Рокочущая по безчисленнымъ лѣнивимъ камнямъ,
Не можетъ быть слышна такъ высоко“.

Поселивъ своихъ родителей въ Стратфордъ, Шекспиръ не покинулъ сцены. У него былъ домъ въ Соутваркѣ, гдѣ онъ жилъ когда не бывалъ въ Лондонѣ. То время, которое онъ проводилъ въ Стратфордѣ, было для него временемъ отдыха, вѣроятно и періодомъ спокойнаго литературнаго труда. Онъ продолжалъ приобрѣтать земли близъ своего Стратфордскаго имѣнія и былъ очень благоразумень и осторожень въ дѣлахъ.

Предполагаютъ, что Шекспиръ совсѣмъ оставилъ сцену въ 1604 году, такъ какъ его имя не появляется въ спискѣ актеровъ послѣ представленія Сеяна Бена Джонсона въ 1693 году. Достигнувъ сорокалѣтняго возраста, онъ отдыхалъ и покоилъ старость своихъ родителей, радовался на любимую свою дочь Сусанну, счастливую жену и мать, принималъ и угощалъ своихъ друзей, такъ Шекспиръ провелъ двѣнадцать счастливыхъ лѣтъ заслуженнаго отдыха, любимцемъ природы и счастья.

Онъ обрабатывалъ свою землю, посадилъ знаменитое тутовое дерево и издалъ въ это время свои сонеты, которые по мнѣнію извѣстнаго англійскаго критика Кольриджа были написаны имъ въ молодости. По временамъ Шекспиръ возвращался въ Лондонъ, и его друзья вельможи не забыли великаго поэта. Лордъ Соутгamptonъ, человекъ замѣчательный по своимъ личнымъ качествамъ, называетъ его въ письмѣ своимъ лучшимъ другомъ. Королева Елизавета почтила его своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, Яковъ I написалъ собственноручно любезное письмо Вилляму Шекспиру и свидѣ-

тельства всѣхъ его сотоварищей актеровъ—его соперниковъ и поэтовъ того времени доказываютъ, что Шекспиръ былъ столько же достоинъ любви, какъ и славы.

Существуетъ преданіе, что Шекспиръ ускорилъ свою смерть той пирушкой, которую онъ гостепріимно устроилъ для Бена Джонсона и Драйтона, посѣтившихъ его незадолго до его послѣдней болѣзни, по всей-же вѣроятности онъ былъ уже болѣнъ заранѣе, такъ какъ въ январѣ того года, когда онъ почилъ отъ трудовъ своихъ, было приготовлено его завѣщаніе, подписанное имъ въ мартѣ, за мѣсяць до его смерти. Онъ скончался въ день своего рожденія, 23 апрѣля 1616 года, пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, достигнувъ безсмертной славы еще при жизни.

Писатель Обрій, пережившій великаго поэта двадцатью шестью годами, говорилъ, что Шекспиръ былъ красивъ, строенъ, пріятенъ въ обществѣ, остроуменъ и привлекателенъ.

Шекспиръ похороненъ въ Стратфордѣ, въ старинной красивой церкви св. Троицы, на берегу мирнаго Эвана. Рядомъ съ нимъ покоится жена его, затѣмъ идутъ гробницы другихъ членовъ его семейства. На гробницѣ Шекспира — совсѣмъ простой плитѣ съ поперечной трещиной—нѣтъ его имени, а только вырѣзана надпись, которую приписываютъ ему самому:

„Добрый другъ, ради Христа, остерегись
Выкапывать заключенный тутъ прахъ.
Благословенъ тотъ, кто пощадитъ этотъ камень,
И проклятъ тотъ, кто потревожитъ мои кости.“

У сѣверный стѣны церкви красуется знаменитый бюстъ Шекспира работы Джонсона, вѣроятно онъ видѣлъ его при жизни и исполнилъ этотъ заказъ по порученію его вдовы и дочери. Этотъ бюстъ сдѣланъ въ натуральную величину, стоитъ онъ въ нишѣ подъ аркой между двухъ коринфскихъ колоннъ чернаго мрамора съ золочеными капителями; надъ прямымъ карнизомъ возвышается гербъ Шекспира среди

двухъ херувимовъ, изъ которыхъ одинъ держитъ лопату, а другой—опрокинутый внизъ факель. Поверхъ памятника лежитъ черепъ. Самъ Шекспиръ изображенъ облокотившимся на подушку, въ правой рукѣ онъ держитъ перо, давно уже похищенное кѣмъ то изъ посѣтителей, а другая покоится на листѣ бумаги, лежащемъ передъ нимъ на подушкѣ. Бюстъ высѣченъ изъ мягкаго камня и выкрашенъ, конечно съ цѣлью представить Шекспира такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности; лицо и руки свѣтло розовыя, глаза каріе, волосы, усы и острая бородка каптановыя, на немъ накинута черная эпанча безъ рукавовъ. На головѣ изкрасна коричневый беретъ. Подъ бюстомъ надпись полулатинская, полуанглійская:

„По разуму Несторъ, по генію Сократъ, по искусству Виргилій.
Земля его покрываетъ, народъ плачетъ о немъ, Олимпъ его имѣетъ.
Стой путникъ! куда торопишься ты мимо,
Прочти если можешь, кого завистливая смерть
Положила подъ этимъ монументомъ—Шекспира,
Съ нимъ умерла живая натура и украшаетъ
Гробницу болѣе его имя, чѣмъ ея стоймость,
Все вамъ, что онъ писалъ; искусство было лишь слугой его ума.
Умеръ отъ Р. Х. 1616, 52 лѣтъ.

Весь Стратфордъ переполненъ воспоминаніями о великомъ, славномъ Виллѣ, которымъ гордится вся его нація. Стратфордская ратуша украшена превосходной статуей Шекспира поднесенной городу знаменитымъ актеромъ Гаррикомъ въ день двухъсотлѣтняго Шекспировскаго юбилея въ 1769 году.

Домъ, гдѣ Шекспиръ родился, реставрированъ въ прежнемъ видѣ, и окна и стѣны этого дома испещрены надписями посѣтителей, среди которыхъ встрѣчаются имена лучшихъ поэтовъ и писателей Англій и другихъ странъ. За домомъ садъ, въ которомъ разведены только тѣ цвѣты, о которыхъ упоминается въ произведеніяхъ Шекспира.

Наконецъ, недалеко отъ того стариннаго зданія, гдѣ Шекспиръ впервые увидалъ театральныя представленія, воз-

вышается теперь такъ называемый Шекспировскій памятникъ, красивое, высокое, большое зданіе, долженствующее по плану заключать въ себѣ театр, картинную галерею и библіотеку.

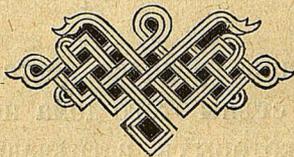
Но не одинъ Стратфордъ почтилъ память величайшаго изъ поэтовъ, въ 1741 году ему былъ воздвигнутъ памятникъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, у южной двери, въ уголкѣ поэтовъ.

Родина славнаго Вилля гордится имъ, но его произведенія принадлежатъ всему мыслящему человѣчеству, они переведены на всѣ европейскіе языки и продолжаютъ возбуждать во всѣхъ равный восторгъ и равное удивленіе.

Ни одинъ писатель не является такимъ полнымъ представителемъ генія своей страны, какимъ былъ Вилльямъ Шекспиръ, поэтому-то вѣроятно онъ и сдѣлался кумиромъ англійскаго народа. Онъ служитъ для англичанъ тѣмъ авторитетомъ, на который они ссылаются во всѣхъ обстоятельствахъ и случаяхъ жизни.

Слава многихъ замѣчательныхъ поэтовъ померкла подъ рукой времени, но слава нашего Вилля сіяетъ и свѣтитъ все такъ же ярко, какъ вѣчно свѣтлыя неугасимыя звѣзды, спокойно смотрящія на насъ съ высоты небесъ.

А. Сахарова.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ ВЪ РОССІИ ВЪ 1813 ГОДУ.

III

Вильно и плѣнъ. На пути въ ссылку. Яранскъ и встрѣча съ друзьями. Кострома. Печальныя послѣдствія минутной радости. Тридцать дней на пути къ Вяткѣ. Русскія селенія и русская жизнь. Дворянскія семьи. Неожиданный покровитель и переводъ въ Казань.

НА ВТОРОЙ день нашего вступленія въ Вильну, мы услышали пушечные выстрѣлы и барабанный бой и узнали, что непріятель атакуетъ городскія ворота. Къ счастью городское предмѣстье было занято гренадерами старой гвардіи и благодаря имъ, непріятель былъ отбитъ. Вслѣдствіе этого мы получили приказаніе немедленно выступить далѣе. Приходилось оставить этотъ городъ, гдѣ я нашель было отдохъ. Оставалось всего три дня, чтобы достигъ Нѣмана.

Я рѣшился переночевать въ городѣ и покинуть его рано утромъ; но измученный усталостью, проснулся, когда было уже десять часовъ. Я взглянулъ на улицу и къ ужасу моему убѣдился, что французы уже ушли! Нѣсколько казаковъ разѣзжали по городу. Раздались чьи-то крики. Я прислушался... французскія слова поразили мой слухъ. Я разбудилъ спавшихъ со мной товарищей, и мы вышли на улицу. Намъ представилась слѣдующая картина: пять французскихъ сол-

дать, прислонившись къ стѣнѣ, мужественно отбивались отъ толпы евреевъ, яростно нападавшихъ на нихъ. Борьба была неравная: нападавшіе были вооружены ружьями и топорами, осаждаемые лишены средствъ къ защитѣ. Въ порывѣ негодованія, мы бросились въ толпу и заставили ее разсѣяться.

Насъ было десять человѣкъ рѣшившихся умереть или вырваться отсюда. Вдругъ послышался барабанный бой, и на углу улицы показался отрядъ въ сорокъ человѣкъ французскихъ солдатъ, предводительствуемыхъ капитаномъ легкой пѣхоты. Увидѣвъ, такъ же какъ и мы слишкомъ поздно, что армія выступила, онъ собралъ наскоро запоздавшихъ французовъ и отправился по улицамъ, призывая всѣхъ, кто находился въ такомъ же положеніи.

Мы быстро прошли черезъ весь городъ, съ каждымъ шагомъ наше число возрастало и благополучно миновали предмѣстье, какъ вдругъ непріятельская конница окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Бывшій при насъ запасъ пуль и пороха скоро истощился; но мы продолжали отбиваться. Къ кавалеріи подоспѣла пѣхота и открыла такой убійственный огонь, что въ четверть часа изъ нашего отряда осталось не болѣе двадцати человѣкъ. Мы принуждены были сдаться. Я сдѣлался плѣнникомъ и долженъ былъ оставить надежду на возвращеніе на родину, на свиданіе съ близкими, дорогими мнѣ людьми!

Мрачное отчаяніе овладѣло мною.

Насъ отправили на подводахъ по направленію къ Москвѣ.

3-го февраля мы свернули съ большой дороги. Я не зналъ, куда везли меня, да и не желалъ знать. На пути намъ попадалось много деревень, жители этихъ деревень встрѣчали насъ съ такой ненавистью, что наши конвойные принуждены были защищать насъ. Что же касается до меня, то я былъ готовъ благословить руку, которая прекратила бы мнѣ жизнь!

Послѣ продолжительнаго путешествія мы добрались наконецъ до Яранска, гдѣ предположено было остановиться на

нѣсколько дней. Приближалась весна, проходили послѣднія числа апрѣля. Холода почти прекратились. Пользуясь ясной погодой, я вышелъ прогуляться; проходя черезъ мостъ, я замѣтилъ какого-то молодаго человѣка, опершись на перила, онъ грустно смотрѣлъ въ даль. Сердце мое угадало въ немъ француза. Обрадованный, подхожу къ нему и узнаю моего лучшаго пріятеля Евгенія С., съ которымъ мы разстались во время битвы при Березинѣ. Я потерялъ его изъ виду и не зналъ живъ онъ, или нѣтъ? И вотъ онъ со мною. Отъ радости мы долго не могли говорить. Наконецъ Евгеній разсказалъ мнѣ свои приключенія. Онъ такъ же какъ и я испыталъ всѣ мученія голода и холода и не доходя Вильны упалъ отъ изнеможенія. Проѣзжавшіе мимо казаки увидали его, замѣтили въ немъ признаки жизни и увезли съ собою. Его присоединили къ нѣсколькимъ плѣннымъ солдатамъ, изъ которыхъ одинъ оказался, къ счастью моего друга, сыномъ фермера его матери. У нихъ была кое-какая провизія, и ихъ заботы возвратили Евгенія къ жизни. Выслушавъ его разсказъ и узнавъ, что мѣстомъ его пребыванія назначена Кострома, я рѣшился просить губернатора о дозволеніи сопровождать его, и сообщилъ свой планъ Евгенію, онъ былъ въ восторгѣ, и мы не медля ни минуты отправились къ губернатору, онъ принялъ насъ радушно и съ участіемъ выслушалъ нашу просьбу. Наша усердная просьба тронула его и позволеніе было дано.

На другой день 1-го мая мы отправились въ Кострому, захвативъ съ собою письменное дозволеніе губернатора.

Два мѣсяца мы прожили въ Костромѣ. Все это время прошло такъ однообразно, что нечего и сказать о немъ. Неожиданный случай вывелъ меня изъ моего томительнаго настроенія и привелъ въ такое странное состояніе, что я не зналъ радоваться мнѣ, или печалиться.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ПРИСТАНЬ НА ВОЛГѢ.

ИЮЛЬСКОЕ знойное солнце
Горить, раскаляетъ пески;
Расплавленнымъ золотомъ блещеть
Равнина спокойной рѣки.

У берега лодки и баржи;
На баржахъ рабочій народъ.
Дымокъ показался... Навѣрно,
Сейчасъ прикатитъ пароходъ.

Разгрузка въ полнѣйшемъ разгарѣ!
Безчисленный хоръ голосовъ!
Съ мостковъ, разгоняя прохожихъ,
Толпятся носильщики дровъ.

Вотъ женщина... бѣдная тутъ же,
Безкровная точно мертвецъ,
А возлѣ здоровый, румяный,
Плечистый силачъ молодецъ.

Пять-шесть мальчугановъ чумазыхъ
Взбѣжали востѣдъ на мостки.
Эхъ—горе! работники то же,
Туда же? таскають мѣшки!

Этой пестренькой жизни картины
Уныло идутъ предо мной!
А говоръ, а пѣсни родныя
Гремятъ надъ великой рѣкой.

Н. Лановъ.

РАЗСКАЗЫ МѢСЯЦА.

Андерсена.

ВЕЧЕРЪ Ш.

Д и т я.

Слушай, говорилъ мнѣ мѣсяць: я видѣлъ кадета, только что выпущеннаго въ офицеры, когда онъ въ первый разъ вышелъ въ своей прекрасной парадной формѣ. Я видѣлъ дѣвушку въ бальномъ нарядѣ—молодую невѣсту графа, счастливую благодаря праздничному наряду. Но никакое счастье не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое я замѣтилъ сегодня вечеромъ у четырехлѣтней малютки. Ей подарили новое голубое платье и розовую шляпку. Этотъ нарядъ такъ шелъ къ ней, что всѣ звали ее подойти поближе къ лампѣ; моего свѣта казалось имъ недостаточно. Дѣвочка стояла выпрямившись, и широко разставивъ пальцы на рукахъ, которыя она боязливо отстраняла отъ платья. Ея глазки и все лицо сіяли счастьемъ.

— Завтра ты можешь выйти въ этомъ нарядѣ на улицу, говорила ей мать, а малютка смотрѣла то вверхъ на свою новую шляпку, то внизъ на платье и, счастливо улыбаясь сказала.

— Мама, что подумаетъ наша собака, когда увидитъ меня въ этомъ платьѣ?

ВЕЧЕРЪ IV.

Тѣнь города.

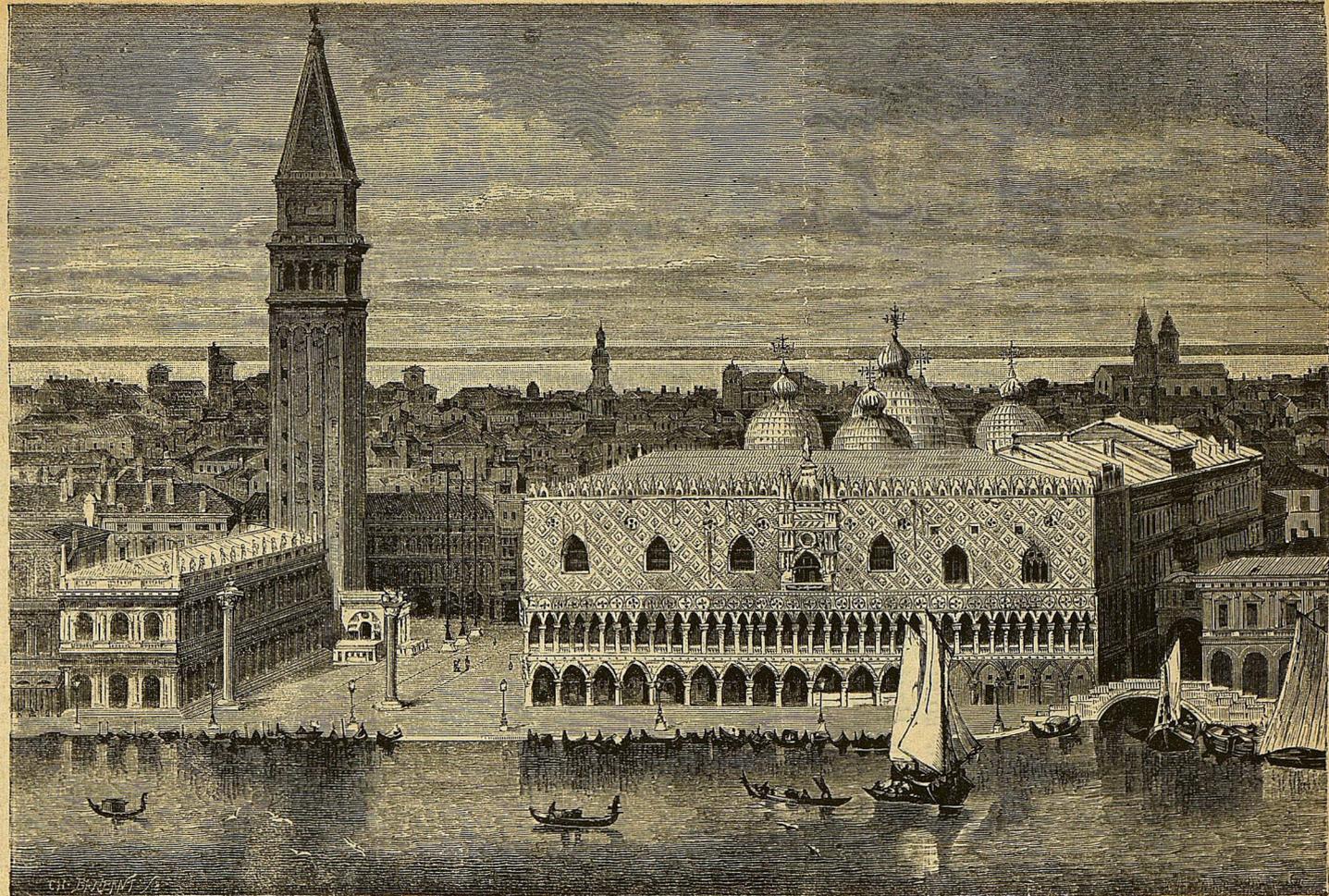
Я разсказаль тебѣ о Помпеѣ, объ этомъ мертвомъ городѣ, воздвигнутомъ изъ праха, который стоитъ теперь на ряду съ другими живыми городами. Я знаю городъ, болѣе диковинный—не трушь, но тѣнь живаго города.

Фонтаны, бьюшіе въ мраморныхъ бассейнахъ, лучи, отражающіеся въ водѣ; волны, ударяющіяся о берегъ, разсказываютъ мнѣ чудныя сказанія про этотъ городъ.

Высоко въ небѣ мчится тучка—вдовій вѣнчальный уборъ, женихъ моря мертвъ. Родной городъ съ высокимъ замкомъ стоитъ надъ нимъ надгробнымъ памятникомъ. Знаешь-ли ты этотъ городъ? Въ его улицахъ никто не слышалъ шума колесъ, тамъ плаваютъ рыбы и, какъ привидѣнія, мелькаютъ гондолы по мутной водѣ. Я хочу показать тебѣ городской форумъ, самую большую площадь, и ты очутишься въ сказочномъ городѣ. Между широкими плитами мостовой растетъ трава, тысячи ручныхъ голубей летаютъ на зарѣ вокругъ высокихъ, открытыхъ башенъ. Съ трехъ сторонъ ты окруженъ арками. Спокойно сидитъ турокъ съ своею длинною трубкою; прекрасный греческій мальчикъ, опираясь на колонну, смотритъ на высокіе флагшкоты — памятники прежняго величія. Съ колоннъ спускаютъ флаги; подъ аркою отдыхаетъ дѣвушка, поставивъ на землю тяжелыя ведра; коромысло покоится на ея плечахъ, которыми она оперлась на побѣдоносную колонну.

Точно замокъ фей, блеститъ городская церковь, мои лучи переливаются на ея золоченыхъ куполахъ.

Великолѣпные бронзовые кони, подобно мѣдной сказочной лошади, совершаютъ свое обычное путешествіе по ея уступамъ; они являются то тамъ, то сямъ, то снова возвращаются на свое прежнее мѣсто. Видишь-ли ты пеструю кар-

W. Beckwith sc.

тину стѣнъ и оконъ? Какъ будто при украшеніи храма архитекторъ подражалъ ребяческой прихоти. Высоко на колоннѣ стоитъ крылатый левъ. Позолота еще блеститъ на немъ, но крылья связаны—левъ мертвъ, нѣтъ уже его морскаго владыки. Пусто въ громаднхъ залахъ; стѣны, гдѣ прежде висѣли прекрасныя картины, теперь мрачно смотрятъ во всеобщемъ запустѣніи. Лазарони *) спитъ подъ аркою, гдѣ всего одинъ разъ ступила нога благороднаго рыцаря. Изъ глубокихъ колодезей, или это тюрьма со свинцовою крышею при мостѣ Вздоховъ—слышится стонъ, какъ прежде, когда раздавались съ гондоль звуки тамбурина, когда обручальное кольцо летѣло въ море съ блестящаго буцентавра—морской царицы.

— Адрія! Окутайся же въ облако! Покрой свою мощную грудь вѣнчальнымъ уборомъ вдовы, набрось его на мавзолей твоего супруга, на эту мраморную тѣнь Венеціи.

Переводъ съ нѣмецкаго.

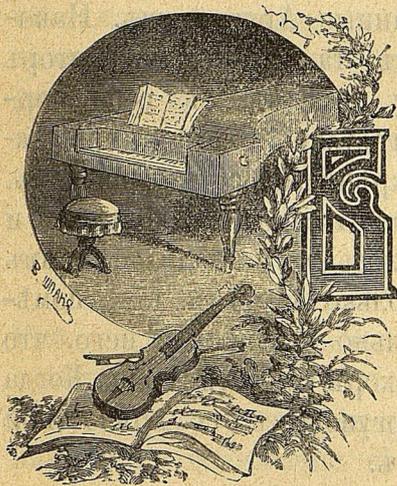
А. А. Григорьевъ-Сухановъ.

*) Нищій.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

(Изъ воспоминаній старушки).

ВЪ НАЧАЛѢ 30-хъ годовъ я стала заниматься живописью, преимущественно портретною, подъ руководствомъ Якова Ивановича Аргунова. Это былъ человекъ пожилой, добрый и большой шутникъ. Онъ всегда являлся въ синемъ вицъ-мундирѣ съ малиновымъ отложнымъ воротникомъ;

такова была форма министерства народнаго просвѣщенія.

Въ то время въ Москвѣ Яковъ Ивановичъ былъ чуть ли не единственный учитель рисованія. Онъ давалъ уроки въ 1-й московской гимназіи, ученики любили его, и теперь еще есть старики изъ его учениковъ, которые рассказываютъ, какъ бывало они, пользуясь его добротою, позволяли себѣ въ его классѣ невообразимыя шалости, увѣренные, что онъ не донесетъ на нихъ начальству, а постарается самъ ихъ унять или словами или линейкой... Кромѣ гимназіи онъ училъ почти

во всѣхъ пансіонахъ и почти у всѣхъ господъ обывателей, въ томъ числѣ училъ и сына графа Уварова, *) который и теперь покровительствуетъ художникамъ. Яковъ Ивановичъ былъ ученикъ старшаго брата своего Николая Ивановича Аргунова—академика. Этотъ академикъ былъ изъ крѣпостныхъ людей графа Шереметьева. Отданный графомъ на выучку къ живописцу, ученикъ скоро превзошелъ учителя и сдѣлался извѣстнымъ портретистомъ; это было приблизительно въ концѣ 40-хъ годовъ. Академія художествъ съ радостью бы приняла Н. И. въ свои члены, но онъ былъ крѣпостной! Ни просьбы извѣстныхъ лицъ, ни выкупъ не могли освободить даровитаго художника. Вѣроятно въ загородныхъ домахъ графа: Останкинѣ, Кусковѣ и другихъ сохранились семейные портреты графа, писанные Аргуновымъ. Наконецъ одинъ изъ знати устроилъ такъ, что императоръ Павелъ 1-й дозволилъ Аргунову списать съ себя портретъ и тогда, по предложенію государя, графъ принужденъ былъ разстаться съ своимъ крѣпостнымъ живописцемъ. вмѣстѣ съ освобожденіемъ Николай Ивановичъ получилъ и званіе академика. Но недолго пришлось ему насладиться всѣмъ этимъ,—униженіе, переносимое столько лѣтъ въ домѣ помѣщика, страхъ его гнѣва такъ сильно повліяли на него, что здоровье его разстроилось, и онъ вскорѣ кончилъ жизнь. Когда освобождена была вся семья Аргуновыхъ отъ крѣпостной зависимости, я не могу припомнить.

Яковъ Ивановичъ, какъ я сказала, имѣлъ много уроковъ, кромѣ того писалъ и портреты за умѣренную плату. Средства у него были хорошія, онъ жилъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе и даже держалъ своихъ лошадей.

Наше семейство любило Якова Ивановича и часто по его приглашенію ѣздили мы съ нимъ на дачи въ Останкино, Кусково, Архангельское. Въ первыхъ двухъ имѣніяхъ Яковъ

*) Графъ кажется въ это время былъ уже попечителемъ московскаго университета, а можетъ и немного позднѣе.

Ивановичъ, какъ бывшій крѣпостной Шереметьева, пользовался правомъ занимать по желанію въ садахъ бесѣдки, которыя для постороннихъ были недоступны. Въ Архангельскомъ мы застали князя Юсупова. Узнавши отъ своего управляющаго, что пріѣхалъ Аргуновъ съ своей ученицей, т. е. со мною, князь пригласилъ насъ осмотрѣть всѣ картинныя галлерей находившіяся въ домѣ и, встрѣтивъ насъ въ саду, предложилъ отдохнуть въ бесѣдкѣ—Капризъ. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Въ этой бесѣдкѣ, портретъ знаменитой пѣвицы Каталани, посмотрите на нее хорошенько, этотъ портретъ превосходно исполненъ!

Съ чувствомъ какого-то невольнаго благоговѣнія, я вошла въ залы наполненныя съ верха до низа произведеніями всѣхъ знаменитостей: первое что поразило меня, это среди небольшой залы, на возвышеніи, лежащая Венера Кановы. Никогда ничего подобнаго я не видала; столько въ ней было жизни, мягкости, красоты!..

Одна бѣлизна мрамора заставляла догадываться, что это созданіе рукъ человѣка.

Далѣе Аргуновъ мнѣ показывалъ картины: Рембранта, Рубенса, Микель Анжело, Рафаеля и другихъ—и все оригиналы.

Говорили, что по смерти стараго князя, многіе оригиналы были подмѣнены копіями, искусно снятыми разными художниками, которымъ позволялось копировать въ галлерейхъ Архангельскаго; правда ли это—не знаю. Въ одной изъ галлерей я видѣла портретъ огромнаго размѣра императора Павла I.

Онъ изображенъ на конѣ, еще юношей, да такъ живо, что кажется вотъ, вотъ выѣдетъ изъ рамы!

Обращаюсь къ своимъ занятіямъ: Яковъ Ивановичъ послѣ нѣсколькихъ уроковъ, въ которые я рисовала карандашемъ съ хорошихъ эстамповъ, преимущественно головки, заставилъ меня рисовать съ бюста. Сначала мѣломъ, карандашемъ, а

потомъ и красками. Это была женская головка, я рисовала съ нее во всѣхъ оборотахъ и при разномъ освѣщеніи. Когда Аргуновъ нашель, что я достаточно подготовлена, тогда заставиль меня писать красками съ натуры. У насъ было много крѣпостныхъ дѣвушекъ, и я начала писать съ нихъ. Надобно было видѣть какъ Аргуновъ радовался моимъ успѣхамъ; онъ часто просиживаль со мною по нѣскольку часовъ сряду, хотя уговариваль на одинъ часъ. Слѣдя за моими работами, Аргуновъ мнѣ не разъ рассказываль о знаменитомъ портретномъ живописцѣ — Тропининѣ, жившемъ въ Москвѣ, и общаль если я буду заниматься живописью, свозить меня къ Тропинину; вы тамъ увидите много хорошаго, говорилъ онъ, и многому научитесь, чему я не сумѣю научить васъ.—Да вѣдь какой человѣкъ то! продолжалъ онъ съ жаромъ, вѣдь его знаетъ, не только вся Россія, но и за границей какъ художника, и какъ благородной души человѣка.

Всякій за счастье считаетъ, если Тропининъ согласится писать съ кого портретъ. И какъ онъ пишетъ ихъ! Мы всѣ передъ нимъ ничто... Слушая Якова Ивановича, я сильно волновалась; желаніе видѣть великаго художника и страхъ предстать передъ нимъ, не давали мнѣ покоя. Я стала еще усерднѣе заниматься живописью. Яковъ Ивановичъ, казалось, былъ доволенъ, но все еще выжидаль чего-то и не предлагаль ѣхать къ Тропинину. Онъ на вопросы мои отвѣчалъ—погодите! пусть у васъ выразится собственная кладка красокъ, а то вы все еще копируете... Когда же можетъ появиться у меня своеобразная манера? съ жаромъ спрашивала я.

— Пишите, пишите больше съ натуры, это само придетъ, тогда и увидимъ!

Съ утра до вечера я сидѣла съ кистью въ рукахъ, старалась вѣрнѣе подражать натурѣ; мнѣ казалось, выходило не дурно... Къ Тропинину же меня все еще не везли.

Однажды Аргуновъ пріѣхаль къ намъ и говорить: сегодня насъ ждетъ Василій Андреевичъ Тропининъ.

— Мы поѣхали. Всю дорогу мнѣ было не по себѣ. Съ зами-

рающимъ сердцемъ вошла я на лѣстницу. Тропининъ жилъ возлѣ Каменнаго моста, въ домѣ Писаревой, въ верхнемъ этажѣ. Онъ любилъ это мѣсто, изъ его оконъ открывался Кремль. Дверь намъ отворилъ молодой человѣкъ, Аргуновъ рекомендовалъ его мнѣ какъ сына Тропинина. Онъ не только отворилъ намъ дверь, но и снялъ съ насъ плащи; это меня сконфузило и огорчило; я не могла понять какъ сынъ извѣстнаго художника служить за лакея, и даже слезы готовы были брызнуть.

Изъ маленькой комнаты въ гостиную вошелъ Василій Андреевичъ. Я остановилась какъ вкопанная: передо мной стоялъ пожилой человѣкъ, средняго роста, въ круглыхъ серебряныхъ очкахъ и въ халатѣ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ палитру, кисти и муштабель, а правую подаль мнѣ. Его открытое, милое лицо, добродушное и симпатичное, сразу ободрило меня. Взявши меня за руку, Василій Андреевичъ сказалъ: милости просимъ, молодая художница! Дай Богъ вамъ успѣха. А мы съ своей стороны будемъ помогать вамъ, какъ сможемъ. Я молчала и глотала слезы отъ волненія.—Вы меня извините, барышня, прибавилъ онъ, что я въ халатѣ, я усвоилъ это платье; въ немъ свободнѣе работать, да такъ уже и принимаю свою братію художниковъ. Пойдемте, я покажу вамъ свою работу. Мы вошли въ небольшую, длинную комнату съ однимъ окномъ, тамъ по стѣнамъ стояло и висѣло много начатыхъ и оконченныхъ портретовъ. Окно снизу было заставлено такъ, чтобы свѣтъ падалъ на предметъ, съ котораго пишутъ, сверху. Передъ окномъ стоялъ мольбертъ, а на немъ портретъ какой-то молодой дѣвушки въ вѣнчалномъ платьѣ, а подальше справа, на столѣ стоялъ болванъ, на немъ былъ накинутъ кружевный шарфъ, съ котораго и работалъ Василій Андреевичъ.

— Хотите я при васъ поработаю, спросилъ онъ, и недожидаясь отвѣта, сѣлъ за мольбертъ, взялъ кистью съ палитры краски и началъ писать; при каждомъ прикосновеніи кисти къ полотну, онъ толковалъ мнѣ почему онъ такъ дѣлаетъ

и указывалъ на натуру, изъ подъ его кисти какъ бы волшебствомъ выходило настоящее кружево. Наконецъ, я рѣшилась спросить: какъ онъ улаживаетъ складки на болванѣ, такъ что онѣ кажутся точно на живой головѣ?—Для этого надобно вглядываться въ натуру и не пропускать ни малѣйшей подробности въ ея игрѣ. Никогда не должно укладывать, устроить что-либо въ платьяхъ, а приглядѣвшись въ первый сеансъ къ натурѣ, бросайте на болванъ или манекенъ платье, такъ чтобы складки легли сами собою возможно естественнѣе. Въ первый сеансъ подготовитесь съ натуры какъ можно вѣрнѣе, тогда легко оканчивать съ болвана. Но не упускайте изъ вида, что въ портретѣ главное—лицо; работайте голову внимательно, остальное дѣло второстепенное. Обращайте вниманіе при посадкѣ для портрета, чтобы тотъ, съ кого рисуете, сѣдился противъ васъ такъ, какъ привыкъ садиться, и не улаживалъ какъ положить руку, постарайтесь развлечь разговоромъ, чтобы онъ забылъ о томъ, что позируетъ для портрета. Наблюдайте при этомъ его движенія и привычныя позы. Меня многіе обвиняютъ въ томъ, что почти всѣ мои портреты улыбаются, какъ будто имъ весело. Да вѣдь я не придумываю, не сочиняю этихъ улыбокъ, я ихъ пишу съ натуры. И кто же любитъ смотрѣть на сердитыя, пасмурныя лица? Портретъ пишется для памяти, для людей близкихъ, любящихъ; имъ надобенъ человекъ, а не исторія его жизни, которую конечно и безъ того знаютъ—и знаютъ всѣ ея грустныя и тяжелыя минуты. Что хорошаго передавать полотну неприятное, на полотнѣ оно останется безъ измѣненія. Необходимо стараться, продолжалъ Василій Андреевичъ, подмѣтить и во всемъ сохранить натуральную грацію: натянутое, изысканное положеніе въ натурѣ бываетъ большею частію минутное, временное, на полотнѣ же остается навсегда. Еще посовѣтую вамъ, барышня, наблюдать чтобы прическа, уборы, платье не были приглажены, обтянуты; нѣкоторая небрежность красота въ живописи.

Василій Андреевичъ кликнулъ сына, велѣлъ ему убрать

палитру и подавать чай. Мы перешли въ гостиную. Сынъ Тропинина Аркадій Васильевичъ вошелъ съ подносомъ въ рукахъ и подаль намъ чай. Я смутилась, встала, взяла чашку и поблагодарила его; при этомъ замѣтила какъ у отца по лицу пробѣжала какая-то, тѣнь и грустная улыбка мелькнула на губахъ. *)

Обращаясь ко мнѣ, Василій Андреевичъ снова заговорилъ: — художникъ, долженъ быть хозяинъ своего дѣла. Нельзя позволять и соглашаться на всѣ требованія снимающаго съ себя портретъ. Вотъ вамъ примѣръ: и онъ указаль мнѣ на портретъ уже очень пожилой женщины; въ ея посадкѣ, въ изысканности наряда, во всемъ видно было желаніе молодиться: мелкіе букли украшали ея лобъ; на головѣ огромный бархатный малиновый беретъ со страусовымъ бѣлымъ перомъ; черное бархатное платье виднѣлось изъ подъ накинутаго, на почти обнаженныхъ плечи, собольяго палатина (шарфъ-мантиль), обнаженные руки были украшены дорогими кольцами. Портретъ былъ какъ живой.

— Вотъ, сказалъ Василій Андреевичъ, этотъ портретъ остался у меня. Этой барынѣ хотѣлось чтобы я ее написалъ декольте, съ обнаженными руками и открытой таліей. Въ ея-то лѣта! да вѣдь это была бы вывѣска, я и накинулъ на нее палатинъ, она разсердилась, не брала портрета, а я не согласился выпустить его изъ своей мастерской въ неприличномъ видѣ. Такъ я поступаю всегда и такъ совѣтую поступать всѣмъ художникамъ. Мы пробыли у Василья Андреевича очень долго, онъ самъ удерживаль насъ и все толковаль и объясняль мнѣ тайны живописи. Когда мы собрались ѣхать онъ самъ, безъ просьбы со стороны Аргунова, обѣщаль пріѣхать къ намъ и посмотрѣть мою работу. Даже теперъ, когда вспоминаю о моемъ посѣщеніи Тропи-

*) Впослѣдствіи я узнала, что сынъ В. А. все еще былъ крѣпостнымъ человекомъ, самъ же онъ только одинъ. 10 лѣтъ тому назадъ, былъ отпущенъ на волю, В. А. говорилъ друзьямъ—пусть сынъ остается въ черномъ тѣлѣ, вѣдь онъ лакей—ему легче будетъ переносить свое положеніе.

нина, меня поражаетъ доброта его; онъ, такъ занятой работою, такъ дорожившій утреннимъ освѣщеніемъ, оставилъ свое дѣло для шестнадцатилѣтней дѣвочки, потому что Аргуновъ похвалилъ меня за способность къ живописи. Ему хотѣлось поучить, поддержать, развить талантъ, если онъ есть. Вотъ высокая черта истиннаго художника.

Въ ожиданіи Василя Андреевича я погибала: „Ну какъ я покажу свое пачканье“? думала я, (я даже хотѣла многое припрятать, но мнѣ не позволили).

— Что онъ скажетъ про мою работу Аргунову? Наконецъ, В. А. пріѣхалъ и ласково, съ какимъ-то родственнымъ вниманіемъ тотчасъ занялся моей работою. Подробно, штрихъ за штрихомъ, онъ указывалъ что хорошо, что дурно и почему, каждое прикосновеніе кисти осматрѣлъ, толковалъ чего избѣгать и чего держаться. Чтобы поправить кисть, онъ совѣтовалъ пописать съ хорошихъ оригиналовъ, которые и обѣщалъ мнѣ прислать. Внимательная копіровка съ хорошихъ картинъ научить васъ многому. Больше всего совѣтовалъ писать съ натуры и подражать ей точнѣе.—„Я мало учился, сказалъ В. А., хотя усердно занимался въ академіи, но научился окончателно въ Малороссіи: я тамъ писалъ безъ отдыха со всего что попадалось на глаза; я писалъ съ деревьевъ, съ вещей, съ крестьянъ, и эти работы, мнѣ кажется, лучшія изо всѣхъ, которыя я досихъ поръ писалъ.—Ну, да вѣдь я тогда былъ молодъ, прибавилъ онъ со вздохомъ.—Въ самомъ-то въ немъ было много жизни! Да прибавилъ онъ,—лучшій учитель—природа, я это знаю по себѣ. Если я сдѣлался дѣйствительно художникомъ—этимъ я обязанъ ей же, матушкѣ—природѣ. Надобно предаться ей всей душою, полюбить ее всемъ сердцемъ—и будете художница!

Василій Андреевичъ приглашалъ меня бывать у него почаще и даже привозить ему свои работы. Мои родные стали было просить его давать мнѣ уроки; но онъ на отрѣзъ отказался.

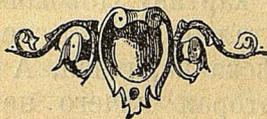
— Нѣтъ, говорилъ онъ—уроки связываютъ челоуѣка, учитель бѣгающій въ опредѣленное время на уроки и уча непрерывно одному и тому же, преимущественно начальнымъ правиламъ, утомляется, мало по малу начинаетъ самъ разучиваться и становится неспособнымъ идти дальше и дальше.—Я давно созналъ это и давно отказался отъ уро-

ковъ. Я люблю свое дѣло и еще самъ учусь у природы; но если кому надобна моя помощь, готовъ помочь и совѣтами и всѣмъ, что отъ меня зависитъ, но только не обязательно. За совѣты не беру платы—это святотатство, скрывшій талантъ да будетъ проклятъ! Нѣсколько времени я пользовалась совѣтами Василя Андреевича, и онъ всегда одинаково принималъ меня, бросалъ работу, если было можно, если же нѣтъ, то сажалъ возлѣ себя и работалъ при мнѣ. Онъ не любилъ когда его благодарили за вниманіе и совѣты; бывало скажетъ: „ну да будетъ же. Вѣдь слышалъ, знаю, ну и будетъ“. И еще прибавитъ: „слыхали-ли вы, барышня, отъ кого нибудь, что всякій челоуѣкъ чѣмъ можетъ долженъ дѣлиться съ ближнимъ“?—Разъ онъ заѣхалъ къ намъ и увидалъ что я рисую цвѣты акварелью.—Эхъ напрасно, сказалъ онъ, лучше одно да дѣлать хорошо, нежели много да дурно. Масляная живопись съ акварелью не ладитъ. Первая требуетъ бойкости, смѣлости, при случаѣ грубости;—вторая—нѣжности, сквозности, легкости,—рука-то и собьется и вы будете портить и то и другое. Бросьте пожалуйста! Я слушалась во всемъ В. А., и онъ радовался моимъ успѣхамъ. Въ немъ была истинная любовь къ своему дѣлу, нескончаемая доброта и желаніе пользы ближнему. Впослѣдствіи жизнь, обстановка и тяжелыя обстоятельства отвлекли меня отъ свиданій съ Васильемъ Андреевичемъ и отъ занятія живописью. Спустя много лѣтъ,—года за два до кончины В. А., я встрѣтила его на выставкѣ, въ школѣ ваянія и живописи. Я была со скульпторомъ Бѣляевымъ, который очень уважалъ В. А., мы оба обрадовались этой встрѣчѣ. Сначала онъ не узналъ меня, потомъ попенялъ за чѣмъ я измѣнила искусству, вздохнулъ и махнулъ рукой. Затѣмъ указывая на картину Новоковича, заговорилъ: „Вотъ погубилъ таки свой талантъ этотъ челоуѣкъ. Все кидается въ глаза, точно вывѣска нарядная. А все мода, все желаніе угодить публикѣ, которая ничего не смыслитъ, на эффектѣ помѣшаны, — вездѣ ложь, ни въ чемъ и ни въ комъ нѣтъ правды. Да, батюшка, обратился онъ къ Бѣляеву—немного остается насъ, преданныхъ душою истинному искусству. Онъ улынулся горько и прибавилъ:—„Авось мы не доживемъ до паденія намъ дорогого дѣла. Я только этимъ и утѣшаю себя“.

Послѣ этого я уже не видала незабвеннаго Василя Андреевича, но его рѣчь, взглядъ, улыбка глубоко запечат-

лѣлись въ моей памяти. 1857 года 5 мая, хоронили В. А. Тропинина. Вѣсть о его кончинѣ быстро облетѣла всю Москву и, какъ говорили, вся Москва была на его похоронахъ. Я больная лежала въ постелѣ и, когда мнѣ сказали о кончинѣ Василья Андреевича, проплакала цѣлый день и занемогла сильнѣе. Въ 1859 году была напечатана біографія знаменитаго художника — портретиста В. А. Тропинина. Ее писалъ даровитый художникъ скульпторъ Н. А. Рамазановъ. Біографія написана съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ уваженія и любви къ покойному, такъ мастерски обрисованъ замѣчательный характеръ В. А., что читая ее какъ бы переживаешь вмѣстѣ его тяжелую жизнь. В. А. былъ (такъ же какъ и Н. И. Аргуновъ) изъ крѣпостныхъ, и когда онъ сдѣлался извѣстнымъ художникомъ, вся знать жала ему руки, приглашала къ себѣ, принимала какъ желаннаго гостя; а В. А. у своего барина стоялъ за стуломъ съ тарелкой во время обѣда! Только въ 1823 году его господинъ графъ Марковъ по усиленнымъ просьбамъ родныхъ и знакомыхъ*), послѣ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенья, похристовался съ В. А. отпускомъ ему съ женой, но сына Аркадія удержалъ у себя въ крѣпости. Василій Андреевичъ родился въ 1776 г. 19 марта, свободу получилъ 1823 года, слѣдовательно слишкомъ черезъ 40 лѣтъ. Никакія страданія, никакія униженія не могли убить любовь къ искусству въ его благородной, великой душѣ; — онъ оставался вѣренъ своему призванію и былъ дѣйствительно великимъ, замѣчательнымъ русскимъ художникомъ!

Т. Астракова.

*) Въ числѣ ихъ были Ал. Ал. Тучковъ, графиня Зубова, Ал. Алекс. Майковъ, Петръ Н. Дмитріевъ, Свиньинъ и другіе.

1882 г.

„НУВЕЛЛИСТЪ“

43-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

и

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“.

Съ 1-го января 1882 года „Нувеллистъ“ вступаетъ въ 43-й годъ своего существованія.

Цѣль изданія „Нувеллиста“ доставитъ каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ значительный выборъ новѣйшихъ лучшихъ и любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ для фортепиано, романсовъ и танцевъ. Чтобы удовлетворить такому назначенію, редакція находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими композиторами и музыкальными издателями въ Европѣ и помѣщаетъ въ журналѣ приобретаемыя отъ нихъ наиболѣе избранныя новости, достойныя вниманія общества и по степени трудности доступны для большинства публики.

Въ 1882 году „Нувеллистъ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадами отъ 30 до 35 страницъ музыки, большого нотнаго формата, что составитъ въ годъ болѣе 400 страницъ избранной музыки.

КАЖДАЯ ТЕТРАДЬ БУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ ВЪ СЕБѢ:

1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ теченіи года въ „Нувеллистѣ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

Будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральныхъ пьесахъ и т. д.

3) Возможно полный сводъ новостей касающихся музыки и сценическаго искусства.

Музыкально-Театральная газета будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона—въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и восьми номеровъ Музыкально-Театральной газеты, подписчики получаютъ въ декабрѣ мѣсяцѣ:

П Р Е М І Ю:

полную оперу для фортепиано въ 2 руки или другія музыкальныя сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти номеровъ.

Цѣна годовому изданію „НУВЕЛЛИСТА“:

съ Музыкально-Театральною газетою и премією . . . 5 руб.
съ доставкою и пересылкою 6 руб.

ПОДПИСЕА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для лицъ, не состоящихъ подписчиками на „Нувеллистъ“, годичная подписная цѣна на „Музыкально-Театральную газету“ назначается 1 рубль. Гг. иногородные прилагаютъ на пересылку 30 коп. почтовыми марками.

Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музыкальномъ магазинѣ М. БЕРНАРДА, Поставщика Двора Е. И. Величества, Невскій проспектъ, № 10. Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ А. Б. Гутхейля, Поставщика Двора Е. И. Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. Въ Казани, въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“. Въ Харьковѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Гергарда. Въ Одессѣ, у А. Панотти. Въ Кіевѣ, у Корейво. Въ Тифлисѣ, у Ланко.

ВЪ „СОВРЕМЕННОМЪ“ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ,

Пушкинская ул., близъ Невскаго, № 4, въ С.-Петербургѣ,

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ ПОРТРЕТА

Государя Императора Александра III,

исполненнаго въ извѣстномъ олеографическомъ заведеніи А. КАУФМАНА въ Берлинѣ, получившемъ ПЕРВЫЯ преміи на всемірныхъ выставкахъ. Портретъ полной въ натуральную величину.

Подписная цѣна до 1-го февраля 1882 года ПЯТЬ рублей. На укупорку прилагается особо 50 коп., а на пересылку (безъ рамы) по почтовому тарифу за 6 фунтовъ. Рамы по соглашенію отъ 5-ти и до 25 рублей. Послѣ выхода цѣна портрета будетъ ШЕСТЬ рублей, кромѣ пересылки и укупорки. Для подписчиковъ „ИГРУШЕЧКИ“ портретъ предлагается за ЧЕТЫРЕ рубля, а по выходѣ за ПЯТЬ рублей. На пересылку и укупорку прилагается одинъ рубль. Требования адресовать въ редакцію журнала „ИГРУШЕЧКА“.

„СОВРЕМЕННЫЙ“ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

принимаетъ заказы на ВСѢ находящіяся въ продажѣ книги, русскія и иностранныя учебники, учебныя пособія и педагогическія игры, ноты, канцелярскія принадлежности, а также и подписку на всѣ журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ.

ТОЛЬКО что поступили въ продажу стѣнные отрывные календари на 1882 годъ, изданіе „Современнаго“ книжнаго магазина (годъ 5-й). Цѣны календарямъ, наклееннымъ на роскошныя папки исполненныя извѣстнымъ художникомъ ПАНОВЫМЪ, слѣдующія:

- 1) Современный календарь. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.
- 2) Календарь термометръ 1 руб., „ 1 „ 50 „
- 3) Военный календарь 1 „ „ 1 „ 50 „
- 4) Тотъ-же съ термометромъ. „ 1 „ 25 коп. „ 1 „ 80 „
- 5) Семейный календарь. 75 коп. „ 1 „ 20 „
- 6) Тотъ-же съ термометромъ. „ 1 руб. „ 1 „ 50 „
- 7) Купившіе „Семейный календарь“ приобрѣтаютъ поваренную книгу „Домашній столъ“ (цѣна 1 руб.) за 75 к., а въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Въ книгѣ „Домашній столъ“, составленной А. Толивѣровой и А. Сальниковой специально для Семейнаго календаря, находятся 477 блюдъ и 366 обѣдовъ. Объясненія, какъ приготовить обѣды, пасхи, куличи, варенья, соленья и маринаванья.

Съ требованіями обращаться ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ „СОВРЕМЕННЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ“. Пушкинская ул., № д. 4. Въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 декабря 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Фргелевъ пер., д. № 11—2.